

Гун Фэйчжэн поднялся и открыл дверь. На пороге стоял Гун Чэн, жалобно глядя на него:

— Учитель, мне приснился кошмар.

Гун Фэйчжэн почернел лицом, не зная, что и сказать:

— Гун Чэн, ты всё-таки мастер! Есть хоть капля достоинства мастера? — Гун Фэйчжэн был побеждён. Он назвал её по имени и фамилии, поистине «с досадой, что железо не становится сталью».

— Но мне действительно приснился кошмар. Будто Гуань Сяосяо пронзила мне грудь мечом, и кровь лилась рекой... Мне страшно... — тихо проговорила Гун Чэн. Разве кошмары связаны с мастерством? Неужели мастерам не снятся кошмары?

Гун Фэйчжэн посмотрел на Гун Чэн: белые одежды, юное нежное лицо, ясные чистые глаза. Когда она смотрела на него, в её лёгкой робости сквозило тайное наблюдение за ним.

Да, чуть больше месяца назад она была никому не известной старшей дочерью поместья Лю. Она не знала боевых искусств, не могла поднять и курицу, не ведала, что такое мир боевых искусств. Она, возможно, даже думала, что никогда не сможет заниматься воинским искусством, и считала, что ей недолго осталось жить.

А теперь, месяц спустя, она обладает внушительной внутренней силой и чудесным мечевым искусством. Она уже мастер первого уровня в мире боевых искусств. Но она всё та же — всё та же старшая дочь, никогда не покидавшая поместье Лю, та самая наивная, ребячливая, мягкая и несмышлёная восемнадцатилетняя девушка.

Более того, сегодня она впервые сразилась с противником...

Особый опыт внезапно дал ей высокое боевое мастерство, но сердце её по-прежнему не принадлежит миру боевых искусств.

Сердце Гун Фэйчжэна, давно очерстевшее в скитаниях по миру, вдруг смягчилось, когда он увидел пятнышко крови на белой груди её одеяний — все, кто в этом мире, знают: ещё чуть глубже — и сердце, один удар меча — и смерть неминуема.

А в мире боевых искусств не должно быть такой наивности и ребячества! Но разве и Лю Даочжэн, и он сам не втягивают её в этот водоворот?

Прав он был или нет?

Гун Фэйчжэн вздохнул:

— Входи.

Гун Чэн, прикрыв рот ладошкой, довольно усмехнулась и вошла в комнату. Послушно закрыла дверь и задвинула засов. Свеча в комнате мерцала, догорая до конца, на столе застыла лужица мягкого светлого воска. Гун Чэн задула свечу Гун Фэйчжэна и, не раздеваясь, послушно легла рядом с ним.

Дождь стучал по крыше, шумно и непрерывно. Казалось, от тела Гун Фэйчжэна всегда исходит лёгкий, едва уловимый аромат. Этот запах манил прильнуть ближе, искушал искать его источник.

Быть может, из-за обострённого слуха, присущего практикующим боевые искусства, Гун Чэн услышала едва заметное биение сердца Гун Фэйчжэна. Дождь был слишком шумным, комната слишком тихой. Гун Чэн почувствовала, как её вдруг сковала странная атмосфера; привычное, казалось бы, естественное движение — прильнуть и искать этот аромат — вдруг не находило возможности воплотиться...

Гун Фэйчжэн лежал на спине, не шевелясь, но в голове всплыла картина, как Гун Чэн снимает одежду. Он оборвал эту мысль, и в голове снова возникло воспоминание о том дне на Тяньшане, когда он вкусил аромат её губ. Она казалась то чистейшим эльфом, то самым соблазнительным демоном.

Гун Чэн лежала на боку, лицом к Гун Фэйчжэну:

— Учитель, расскажи мне о своём детстве.

Гун Фэйчжэн не открыл глаз, казалось, он спит. Но через некоторое время он тихо заговорил:

— Я сирота, которого приютил учитель. Я выжил после кровавой мести. Я был тогда слишком мал и не помню родителей. Меня вырастил учитель. Имя Гун Фэйчжэн мне тоже дал учитель. Взять фамилию учителя — таково правило нашей школы.

— Фэйчжэн — значит «неправедный». Почему учитель твоего учителя дал тебе такое имя? — Гун Чэн слегка подвинулась, словно наконец нашла повод приблизиться к Гун Фэйчжэну.

— Неправедный не обязательно злой. Бессмертная Секта стремится к свободе, к тому, чтобы быть вне добра и зла. Фэйчжэн означает именно это.

— Но учитель в детстве был очень несчастен, — посочувствовала Гун Чэн.

Гун Фэйчжэн рассмеялся:

— Дни рядом с учителем были счастливыми. Учитель был человеком безмятежным. На Тяньшане было очень спокойно.

Гун Чэн кивнула, но на душе у неё стало горько. Как бы то ни было, дети без родителей несчастны. Таково было неизменное убеждение Гун Чэн.

Сердце Гун Чэн было мягким. Чувство жалости поднялось в ней, и она протянула руку, чтобы обнять Гун Фэйчжэна.

— Ты чего? — Гун Фэйчжэн не оценил порыва и съёжился.

— Когда Алань обижали, я обнимала её вот так, и ей становилось легче. Она говорила, что так ей не так обидно, — очень искренне сказала Гун Чэн. В её наивном тоне явно сквозило неуместное материнское чувство.

— Меня никто не обижал. Смешно... Не меряй взрослых своим трёхлетним умом, — Гун Фэйчжэн не знал, смеяться ему или плакать. Она приняла его за раненую девчонку?

— Но мне кажется... — Гун Чэн не договорила. За окном вспыхнула молния, и следом раздался оглушительный раскат грома, будто ударивший прямо по крыше.

— А-а-а!.. — Гун Чэн только что с материнской заботой считала, что Гун Фэйчжэн нуждается в объятиях и утешении. Но через две секунды, испугавшись грома, она с визгом, не помня себя, нырнула в объятия Гун Фэйчжэна. На этот раз она заползла законно, заползла незаметно. Лишь когда Гун Чэн плотно прижалась к телу Гун Фэйчжэна и, как само собой разумеющееся, обняла его за талию, она обнаружила: о... она снова устроилась в этих объятиях! Неплохо!

Гун Фэйчжэн снова лишился дара речи. Разразившись смехом, он смирился и протянул руку, обнимая дрожащее тело Гун Чэн:

— Как же ты позоришься... Великий мастер Гун Чэн... Или, может, великая креветка Гун Чэн?

— Что за ерунда... — Гун Чэн услышала насмешку и пренебрежение в словах Гун Фэйчжэна: — Гром — это очень страшно. Когда я была маленькой, в поместье Лю одного человека убило молнией.

— Чем ты сейчас отличаешься от скрученной креветки? — Гун Фэйчжэн никак не мог принять, что мастер боевых искусств может бояться кошмаров и грома. Сколько бы он ни уговаривал себя и ни оправдывал её, один раскат грома — и его вера в неё разлетелась вдребезги. Гун Чэн, ах Гун Чэн, как же ты позоришься!

Гун Чэн устроилась в объятиях Гун Фэйчжэна. Лёгкий аромат заполнил все чувства, в душе зародились греховные мысли, и она, словно кошка, потёрлась:

— Вообще-то, мне нравится, когда учитель меня обнимает.

Это было явное кокетство.

Прожив с учителем полмесяца, Гун Чэн знала: кокетство тоже действует.

Мягкие слова, тёплые речи, а в объятиях — нежное, послушное существо, словно кошка. Безмятежная и отрешённая самость Гун Фэйчжэна, казалось, была слегка поколеблена ею. Семь чувств и шесть желаний начали пробуждаться в сердце. Его пальцы погладили спину лежащей в объятиях, и он никак не мог решиться снова упрекнуть её.

Ребёнок так ребёнок. Если захочу — даже если ты ребёнок, я тебя живьём проглочу...

Мысли Гун Фэйчжэна были далеко не чисты, но голос смягчился:

— Ладно, давай спать.

Но Гун Чэн не смыкала глаз. Она смотрела снизу вверх на лицо Гун Фэйчжэна и нерешительно спросила:

— А... можно потом всегда так меня обнимать, когда спим?

— Нельзя. — Этот ответ был полон решимости и безжалостности. Вся прежняя нежность в одно мгновение разлетелась вдребезги.

Гун Чэн надула губы, лицо её похолодело, она издала лёгкий фырк, немного разочаровавшись. Но упрямая Гун Чэн обняла ещё крепче. Смысл был ясен: хм, а я всё равно хочу!

Поместье Лю славится на весь мир и негласно считается главой праведных сил. И не потому, что у поместья Лю многовековая история — оно прославилось в мире боевых искусств менее двадцати лет назад. И не из-за множества учеников — на самом деле, учеников в поместье Лю всего несколько десятков.

Поместье Лю так прославилось лишь благодаря одному человеку — Лю Даочжэну.

Двадцать лет назад в мире боевых искусств внезапно появился прекрасный юноша с мечеподобными бровями и звездными очами, исполненный праведности. Своим длинным мечом он победил мастеров всех великих школ. Фамилия его была Лю, звали Лю Даочжэн.

У него не было ни школы, ни клана. Столкнувшись с отпрысками знатных домов и великих сект, он лишь говорил: «Героя судят не по происхождению». И в этом уже была великая отвага.

Он защищал слабых и карал сильных, говоря лишь: «Увидел несправедливость — обнажи меч». И этим заслужил восхищение всех праведных людей.

Он отверг приглашение убийц с наградой в миллион лянов серебра, сказав лишь: «Благородный муж любит богатство, но берёт его честно». Так он утвердил свою репутацию праведника.

Он оставался невозмутимым, когда женщины сами бросались ему в объятия, говоря лишь: «Благородный муж знает, что можно делать, а что нельзя». И завоевал сердца множества женщин во всём мире боевых искусств.

Конечно, то было двадцать лет назад.

Двадцать лет спустя на лице Лю Даочжэна уже появились следы прожитых лет. Прекрасный юноша тех лет остался в прошлом. У него появились жена и дети, и даже его собственные дети уже выросли. Конечно, за эти годы к югу от реки выросло поместье Лю, и на Собрании Боевых Искусств появилось ещё одно кресло, и кресло это принадлежало роду Лю!

Собрание Боевых Искусств проводится раз в пять лет, и каждое собрание — время выборов Лидера боевых искусств.

Лю Даочжэн получил кресло на Собрании Боевых Искусств восемь лет назад. Некоторые говорят, что Собрание Боевых Искусств — это отсев мусора в мире боевых искусств. Если ты истинное золото — иди и блесни. Даже если не станешь Лидером боевых искусств, это сцена, на которой можно заявить о своих способностях всему миру.

Появление Лю Даочжэна в мире боевых искусств подняло волну. Он побеждал в каждой схватке, но с самого начала заявил о своей праведности и не сражался с по-настоящему сильнейшими мастерами праведных сил.

Восемь лет назад все ждали этого зрелища.

Но Лю Даочжэн не дал им такого шанса. Он лишь пил чай, скромно сидя на последнем месте, и говорил:

— За горами есть горы, за людьми есть люди. Я пришёл поучиться.

Эти слова он повторял на двух Собраниях Боевых Искусств. Эти слова принесли ему славу человека, умеющего и наступать, и отступать, с сердцем, подобным морю. Эти слова снискали ему восхищение множества людей из праведных сил.

Ведь если бы этот внезапно появившийся Лю Даочжэн бросил вызов и победил, это бы уязвило самолюбие старых мастеров. А в мире боевых искусств честь важнее жизни.

Однако Лю Даочжэн действительно пришёл учиться. Где ещё можно лучше наблюдать боевые искусства всех школ, как не на Собрании Боевых Искусств?

Но Лю Даочжэн всё же нажил себе врагов.

Юг реки издавна был территорией клана Гуань, семьи потомственных мастеров боевых искусств. Кто бы ни был, каждый обязан был выказывать уважение членам клана Гуань. В делах мира боевых искусств, если возникал неразрешимый спор, шли за справедливостью к клану Гуань. Но за эти двадцать лет, из-за того что на юге засверкало поместье Лю, слава клана Гуань заметно померкла. Говорят, две горы не могут ужиться, если только это не самец и самка. А Лю Даочжэн, хозяин поместья Лю, и Гуань Жун, глава клана Гуань, как назло были двумя мужчинами без... гм... особых пристрастий...

<http://bllate.org/book/21781/2252315>